

Славный кавалер

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Последнее, конечно, мы упомянули не случайно: орден Трудовой Славы получал только тот, кто не просто вкалывал без дураков, но ещё и не бегал с места на место.

Как наш Герой — Иван Иванович Кравец. Трудился дорожным рабочим, грейдеристом, машинистом экскаватора в Орловском ДРСУ. Вся жизнь. От звонка до звонка. От первого своего рабочего дня до пенсии. Правда, тогда, в 1947 году, когда четырнадцатилетний подросток пришёл устраиваться сюда, оно называлось МДС-41 — машинно-дорожная станция.

— Почему же вы, Иван Иванович, не стали учиться дальше? — спрашиваю Кравца.

— Ну... время такое было, — прерывает он за общую фразу, но потом с улыбкой признаётся: — Учиться-то у меня особой охоты и не было. В общем, так вышло.

А ещё вышло, что Иван в 1945-м потерял отца — бандеровцы убили. Жили они тогда недалеко от Львова в большом селе с гордым названием Сокола.

Как это произошло?

— Ну как... — Иван Иванович долго молчит, смотрит на пожухлую траву под ногами. — Он был хороший сапожник и вообще мастер на все руки. Частенько к нему заезжали военные: кому кобурю пошить, кому сапоги дельные. Заехали и бандеровцы и ухлопали отца...

После этого мать Ивана вышла замуж за орловца — он там машинистом паровоза работал. Так они в 1947-м оказались в Орле. Навсегда. А Иван пришёл в МДС. Тоже навсегда.

Глаза у Ивана Ивановича цвета влажной синевы. Похоже смотрит на нас октябрьское небо в просветы равных туч. Представляю, какой синий огонь кипел в них двадцатилетний!

Двадцатилетие Иван Кравец встречал на целине, куда махнул по комсомольской путёвке — расслаивать бескрайние заволжские степные просторы. К тому времени — а на дворе стоял 1954 год — он уже окончил курсы трактористов, поработал механизатором.

Седой ковыль убегают до горизонта веками не знавшей плуга степью. Кажется, сгинешь в этом белёсом зыбком море. Гусеничные С-80 сердито ворчат, рвут свои железные сердца. Трактористы за рычагами — от солнца до солнца. Кабина то в утреннем холодном серебре, то раскалена бьющим в упор солнцем. Голова от рёва мотора и горячей пыли идёт кругом...

Да что им, молодым. Окатили себя водой после пахоты и... к девчатам.

— Её Бог спит, а мы уже трясёмся в своих железках, — вспоминает Иван Иванович. — Бригадир у нас хороший был — мужик дельный и справедливый. Утром раньше всех

встает, идет по вагончикам (летом мы в вагончиках жили): «Хлопци, вставай-тэ!» Соннышко встает, пташечки цвирькают — и вы, хлопцы, вставайте!» Второй раз идет уже с кружкой холодной воды. Постарше мужикот поднялись, а мы, молодежь, прогуляем полностью с девчатами — попробуй встань. Ну и бригадир нас из кружки — вскакивали как миленькие!

Трудно поднималась целина. Сейчас о целине и целинниках говорят много всякого разного. Особенно Ивана Ивановича задевают досужие измышлизмы кабинетных сидельцев-экспертов. Дескать, это было ошибочное решение партии и правительства, рассчитанное на восторженную, отравленную романтизмом молодежь. И никакой-то пользы от покерования целины по большому счету нет — только вред экологический.

Такие разговоры Кравец воспринимает как личное оскорбление. Да, они тогда были молодыми. Да, были полны горячего энтузиазма. Но его питала острая нужда: измененной великой войной Родине нужен был хлеб. Много хлеба. Причём быстрого хлеба. И целина давала такую возможность — быстро накормить. Надо было лишь прийти распахать и засеять бескрайние дикие земли.

И тысячи таких, как Кравец, пришли и распахали, подняли целину. Государство получило бесценный целинный хлеб. Конечно, были и ошибки. За них целина отомстила сполна. Коррозией почвы, мизерными урожаями, развалом насхпек сколоченных совхозов...

Но это, согласитесь, ошибки не тех, кто жил в плохо приспособленных для этого вагончиках и работал в поле от зари до зари. Не они поставили крест на целине. Это сделали государственные мужи, начавшие за нефтяными полями США и Канады, кормить их фермеров, а не своих крестьян...

А для Ивана Кравца целина стала испытанием на прочность. Он не сломался. Хотя видел там всякое. Трактора работали почти что круглые сутки. Глушили моторы только во

Фото Сергея МОКРОУСОВА.

время обеда да когда надо было заправить машину. Зимой ремонтировали своих железных коней в большом сарае. Конечно, неотапливаемом. Из механизации была одна кузница. Ни станков, ничего такого в отделении совхоза не было — только на центральной усадьбе, километрах в тридцати.

— Иван Иванович, наверное, не все выдерживали — многие бежали с целины?

— Да, некоторые уезжали, — кивает головой Кравец. — Но то были мамини сынки.

Иван Кравец поднимал целину два года. Работал бы и дольше — от дела никогда не бегал. Но пригласилась ему утятница тракторной бригады Ольга. В общем, сыграли простенькую свадьбу. А семейная жизнь с целинницей, скажем прямо, плохо стучается. Решил Иван ехать с молодой женой домой — в Орёл.

Это было в 1956 году. Работать, конечно же, пошел на своё предприятие, которое теперь называлось ДСУ №1.

Первое время — трактористом. Потом на экскаватор пересел. Эту машину Кравец освоил сам, без курсов.

Дальнейшая трудовая биография Ивана Ивановича Кравца оказалась весьма скудной на события. Работал на карьере, по всей области. Приличный изо дня в день, из года в год труд. Как пролетели тридцать лет,

даже не заметил. Это, наверное, оттого, что занимался любимым делом. А ещё потому, что всегда рядом трудились хорошие люди. А какие руководители были! Кравец тепло вспоминает директоров стройуправления Афанасия Гавриловича Костина и Прокопия Ивановича Еремеева, прораба Николая Михайловича Клыквова: «Хорошие были мужики, справедливые и дело своё знали».

Листки трудового календаря облетели как-то очень быстро. В 1994-м Иван Иванович стал пенсионером. А на заслуженный отдых почётный дорожник Кравец ушёл два года спустя. Работал бы ещё, да зрение подвело. Предлагали экскаваторщику занять должность механика, но Иван Иванович решительно отказался: не к чему, дескать, уже...

Но погодите, возмутится иной читатель, а как же трудовые подвиги? За что Кравец был удостоен одной из самых высоких наград Родины?

В самом деле, какие же трудовые подвиги насосершал Иван Иванович? Наш вопрос ставит почётного дорожника в тупик, человек явно не знает, что говорить. Смотрит растерянно:

— Как вам сказать... Так работал я... В семидесятых получил первый орден Трудовой Славы III степени. Вышло, что пятилетка — орден, пятилетка — орден... Так и собрался у меня весь комплект.

Вот так рассказывают герои о своих геройских делах. Работал. Всё дело в том, как работал Иван Иванович. А работал он всегда как двужильный, на пределе, выкладываясь по полной. От его умения очень многое зависело. Допустим, грузовик станет — не беда, а вот заглохнет экскаватор — весь строительный поток

замрет. Пока экскаватором управлял Кравец, грузовики везли щебень ли, песок из карьера безостановочно.

Другие мужики, как обычно: пять часов подошли — всё бросили и по домам. А Иван Иванович, пока свой Э-652 не подладит, не постоит, не подкрутит — чтоб с утра экскаватор работал как часы, — с карьера не уходил. Совете не позволяла.

Прошу Ивана Ивановича припомнить какой-нибудь экстраординарный случай. Тот морщит лоб, не знает, что сказать.

— Всякое в работе бывало... Однако машины ни одной не расколотил.

— А что, можно было?

— Ещё как! Машина-то вон какая — больше полутонны ковш зараз брал! Чуть промахнулся — и готов.

За тридцать лет (пока работал экскаваторщиком) Иван Иванович не промахнулся ни разу.

— А не пробовали, — вспомнив какие-то байки, допытываюсь у Ивана Ивановича, — закрыть своим ковшом машинной спичечный коробок. Кажется, есть такая забава-проверка для суперпрофи.

— А зачем? — искренне удивляется Кравец.

В самом деле... Наверное, закрыть спичечный коробок, если хорошенько потренироваться, смогут многие экскаваторщики. А вот постоянно выполнять свою работу на самом высоком профессиональном уровне... И при этом ни разу не остановить строительной конвейер. И не затосковать от рутинной и однообразия, не запить, как это часто, с сожалением, бывает. Вот это достойно уважения. Вот это классно! Нет — славно! Нет — трижды славно!

Николай СОЛОПЕНКО.

Вся жизнь — как подвиг

Карьера контрразведчика Иван Меренов в отрочестве не грешил. Да и что мог знать мальчонка, рожденный еще до революции, об этой профессии? Тогда, после окончания сперва сельской начальной школы, а позже — семилетки и рабфака, он рисовал себе совсем другое будущее. В 1933 году восемнадцатилетним пареньком Иван Меренов принял первое взвешенное и самостоятельное решение: покинуть теплое и дремотное лицейское село и податься в холодный и суровый Мурманск. Ехал из-за присущего юношества авторизма.

Поначалу ремонтировал железнодорожные пути. С этим делом паренек был знаком с детства. Его отец всю жизнь посвятивший этому непростому ремеслу. Затем работал на топливной базе. За короткое время прошел путь от статиста до начальника цеха.

В органы государственной безопасности он попал в самое непростое для страны время — в 1939 году.

«Сегодня трудно видеть, что на страже безопасности страны стояли люди высокообразованные, — говорит Иван Яковлевич. — В наше время нам, молодым оперативникам, все преудости приходится постигать самостоятельно и в одиночку. Учили на опыте старших товарищей. Каждое слово офицеров впитывали как губка».

Весь от начала войны застал Иван Меренов на отдыхе в Черном море. Несколько часов потратил чекист на сборы; он говорит, что на пути к Мурманску чудом уцелел в бомбежке.

Времени на переживание не оставалось. Нужно было обезопасить семью (к тому моменту в семье Мереновых уже подрастали две маленькие дочери) и немедленно приступить к работе.

На плечи молодого оперативника легла непростая задача по обеспечению безопасности морского порта. В Мурманск тогда доставлялись военные техника и взрывчатые вещества. Порт был устроен таким образом, что поставив на отгрузку большое количество судов не представлялось возможным, поэтому вблизи города скапливалось такое количество кораблей, доверу заполненных смертоносным грузом, что в случае ошибки от Мурманска не осталось бы ни одного кирпичика.

А еще помимо основной работы чекистом вместе с моряками и красноармейцами надо было оборонять город от фашистской нечисти: спасать людей от бомбежек.

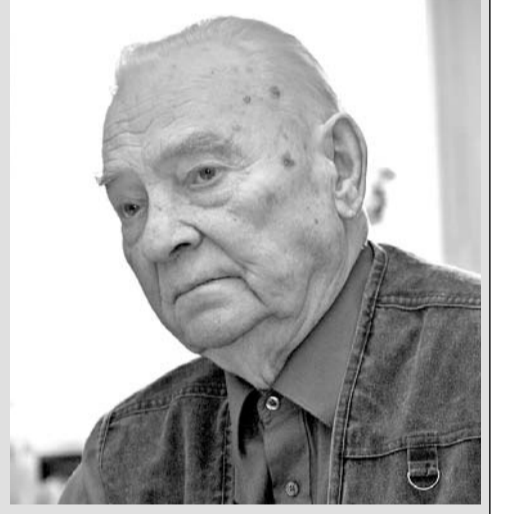
В 1944 году Иван Меренов, который к тому времени был уже крепко закален войной, был переведен в Одессу. Здесь он работал с моряками, удивившими в плавании. За каждого из ребят Меренов нес личную ответственность. Тогда уже хорошо знал, что бывает, когда измученный войной солдатик решается на дезертирство. Здесь требовались не только командные качества, но и знание человеческой души. А как разглядеть человеческую душу за пленой страха и

боли? Но Меренов трудились, находил время встретиться с каждым матросом, личным примером показывая, что значит быть солдатом своего Отечества. В итоге за десять лет работы никто из его ребят не предал Родину.

Иван Яковлевич с улыбкой рассказывает о том, что вся его непростая трудовая биография делится на десятилетия. Десять лет в Мурманске, десять — в Архангельске и десять — в Орле. И в заслуженном Архангельске, и в рябинном Орле руководил областными управлениями Комитета государственной безопасности.

Полковнику в отставку Ивану Яковлевичу Меренову сегодня исполняется 92 года.

В середине прошлого столетия, с 1965 по 1975 год, он возглавлял Управление КГБ СССР по Орловской области. Несмотря на солидный возраст, ветеран активен, подтянут и весел. На мой вопрос, как он ощущает себя в свои годы, Иван Яковлевич, пригласив твердой рукой бесстрашный чуб, с улыбкой отвечает: «Вот когда доживете до 92, тогда и поговорим».

Иван Яковлевич Меренов.

опасности Советского Союза. Те, кто работал под командованием Меренова в Орле, вспоминают о нем как о руководителе, для которого человеческий фактор был куда как важнее бумажной волюнты. Да и сам Иван Яковлевич с искренней радостью вспоминает всех своих подчиненных, каждый из которых после личного общения с ним стремился покорять профессиональные вершины. Многие из них стали блестящими офицерами-контрразведчиками.

С тех пор, как Меренов вышел в отставку, минуло больше тридцати лет. Сменилось много руководителей, сама служба претерпела ряд существенных преобразований, да и политика нашей страны поменяла свое лицо, а к Меренову, как и прежде, приходит за советом.

Не мудрено. У него есть свое суждение по каждому вопросу. Да и профессиональные секреты в «запеченнике» полковника Меренова накопилось столько, что хватило бы обучить не одно поколение молодых чекистов.

Сегодня, как и в прежние годы, в его квартире будет тесно от гостей. Поздравить с днем рождения придут бывшие сослуживцы, молодые сотрудники, друзья. Гостей Иван Яковлевич очень любит. Он встретит их у порога — подтянутый, гладко выбритый, с прямой спиной настоящего военного и по-прежнему крепким рукопожатием.

Коллектив газеты «Орловская правда» присоединяется к поздравлениям и желает юбиляру крепкого здоровья и бодрости духа!

Юлия ГЕРДТ.

СТИН тебя побери!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В советское ещё время: — Знаешь, как консерву с килькой зовут?

— Знаю, «Весёлые ребята». Или «Сто голов в одной банке».

В перестроечные годы про новейший закускойный товар говорили продавцу: — Дайте мне вон те две крабовых палочки из минтая...

Или ещё серьёзней: — Здесь отправляют в космос? — Здесь, — хмуро отвечает буфетчица. — На какую орбиту тебя запустить, на орбитальную или сразу на пятнадцатую?

Плоскость, шутки, процесс пошёл. Шёл он, шёл — и пришёл к нынешнему блогу олею.

А история гласит: если на Русиматшке когда и случается благолепие, то оно всегда зашифрованное. Впрочем, хватит смеяться.

Неистребимый любитель кроссвордов, это непонятное племя, и впрямь сейчас живёт как в раю.

Сидят на завалинке кумушки, читают-обсуждают обрывок газеты, старательно очищенный от сендэки: — Глянько, какой-то «МУЗ ГБСМП объявляет конкурс на замещение...».

Пойдём заместимся, Петровна? — Так этот МУЗ, небось, с Громкими Барабанами Связи и Медными Пинанами...

Подобрали с земли второй газетный обрывок, на нём масляные буквы: «...ин Н. А. Семашко». Приложили к «МУЗ ГБСМП...».

— Это ж наша любимая больница! Чего-то она так замаскировалась? Шевеля губами и вытирая их селёдочными бумажками, в полчасика дошли до истины.

— Это, небось, так: «Муниципальное Учреждение здравоохранения «Городская Больница скорой Медицинской Помощи имени Семашко».

Ах, ГБСМП меня побери, какие сообразительные... Заместились, нет ли, не знаю, но что тренированные в кроссвордах, это точно.

А чего бы и не потренироваться, когда кругом вухтемаосовы потомки развешаны. Вывески ударные, напевные, так на сердце и ложатся.

Сегодняшняя картинка: — Вставай, внучек, пора в МУДО.

Там перед вами сотрудник ГИБДД выступать будет...

— Бабушка, нас сегодня всех ведут в МУДК, — протраивает утренние глаза сонный мальчонка.

Волосы мои от услышанного встают на башке редким резким дыбом: — Это что, Муниципальное Учреждение Дошкольного Обучения, детсад по-старому?..

Упал и ор в конвульсиях: — Им молоко, а мне лекция! Отвезли-таки меня в ГБСМП. Сам накликал. Нечего было над кроссвордистами смеяться. Уменье разгадывать кроссворды — это, оказывается, просто защитная реакция организма...

...Что такое эта милейшая ПБСТИН, мне до сих пор не сказали. Вот какая ФГУ... — начал усиленно тренироваться,

всяческие объявления с официальными аббревиатурами читать.

«...К заявлению необходимо приложить справку из ИМНС о регистрации в качестве ИП».

Мозговая мышца звонко треснула и опала. Не могу, не могу расшифровать! Что-то знакомое, но царапающе-неуловимое, как память о первом свидании, закончившемся то ли поцелуем, то ли приводом в милицию.

Очулся, кое-как расплёл извилины, вновь сделал их наизготовку. Жадно читаю объявления дальше. И натянулся, будто на нож: «ФГУ «Орловская ПБСТИН...» Свет померк в очках...

«...объявляет конкурс о поставке молока...» Упал и ор в конвульсиях: — Им молоко, а мне лекция! Отвезли-таки меня в ГБСМП. Сам накликал. Нечего было над кроссвордистами смеяться. Уменье разгадывать кроссворды — это, оказывается, просто защитная реакция организма...

...Что такое эта милейшая ПБСТИН, мне до сих пор не сказали. Вот какая ФГУ... Юрий ОНОПРИЕНКО.

Хор из Лейпцига в гостях у ОГИИК

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Научная часть конференции включила в себя обсуждение состояния и перспективы развития музыкального образования в высшей школе (выступила Л.И. Дугина, профессор, декан факультета художественного творчества), новых подходов к созданию концепций

концертных программ (Л.В. Митрохина, проректор по творческо-исполнительской деятельности), исполнительских тенденций в конкурсно-фестивальном движении (Е.Н. Болдовская, заведующая кафедрой хорового дирижирования) и других насущных вопросов, связанных с практикой преподавательской и хормейстерской работы.

Наибольший интерес и живой, непосредственный отклик не только у преподавателей, хормейстеров-практиков, руководителей хоровых коллективов, но и у орловского студенчества вызвал мастер-класс немецкого «хора памятника битве народов». Любительский хоровой коллектив, в состав которого входят врачи, учителя, инженеры, студенты, объединяют необыкновенную увлечённость и любовь к хоровому пению. Руководит хором

молодой, талантливый и артистичный дирижер Свен Кюнаст, преподаватель музыки, латинского языка, а также композитор, чьи произведения представлены в репертуаре хора.

Любительское хоровое музицирование имеет и в России, и в Германии давние устойчивые традиции, что делает язык хоровой музыки понятным без перевода, и это замечательно продемонстрировал мастер-класс, проведенный хормейстером из Лейпцига. Хоровую аудиторию, состоящую из немецких и российских хористов (преподавателей и студентов-хоровиков ОГИИК), сразу объединила и сдружила хоровая распевка. В концертном выступлении лейпцигский хор звучал как хорошо настроенный оркестр и показал особую европейскую школу хорового пения — прозрачную, легкую, почти инструментальную по манере. В программе небольшого концерта прозвучала

старинная и современная духовная музыка, светские мадригалы, немецкие народные песни, русская хоровая классика. В ответном выступлении орловского студенческого хора под управлением Е.Н. Болдовской (концертмейстер — заведующая кафедрой форте-

пиано О.А. Гаврилова) прозвучала знаменитая «Ода к радости» из Девятой симфонии Л. Бетховена с символическими для хорового искусства словами: «Обнимитесь, миллионы!». Яркое, сочное, в лучших русских хоровых традициях исполнение бетховенской музыки привело в восторг гостей-музыкантов.

Неформальное живое общение немецких и орловских хористов, ответы директора хора (преподавателя иностранных языков) Томаса Лангера на разнообразные вопросы — всё это стало достойным ито-

гом первого дня конференции. В программе второго дня — творческие встречи и совместные выступления лейпцигского хора и академической капеллы Дворца культуры «Металлург» под руководством заслуженного работника культуры В.В. Гончаровой.

Трудно переоценить значение подобных творческих встреч, прежде всего для обучающихся в ОГИИК студентов-хормейстеров: многим из них в будущем предстоит стать руководителями подобных любительских хоровых коллективов и развивать многовековые традиции искусства хорового пения.

И. БАННИКОВА. Заведующая кафедрой истории и теории музыки ОГИИК, кандидат искусствоведения, доцент.